

Научная статья
УДК 343.3/.7
EDN SXIAON
DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.95-104

Проблемы определения объективных признаков занятия высшего положения в преступной иерархии

А.А. Христюк

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
a_x_a@mail.ru

Аннотация. 1 апреля 2026 года исполнится 7 лет как российский законодатель криминализировал занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). При этом, до сих пор нельзя утверждать, что за такой уже значительный срок правоприменитель выработал критерии квалификации и доказывания данного преступления. Толкование данной нормы продолжает вызывать трудности на всех этапах предварительного следствия и в суде. У оперативных, следственных и судебных органов в силу особенностей правового конструирования состава преступления возникают трудности с установлением таких признаков объективной стороны занятия высшего положения в преступной иерархии как само деяние, способы его совершения, время совершения и момент его окончания. В статье рассматриваются указанные признаки с учетом уголовно-правовой и криминологической доктрины, а также имеющейся судебной практики по данному преступлению. Сделан вывод, что отсутствие в уголовном законодательстве четких определений понятий «преступная иерархия» и «высшее положение» затрудняет квалификацию деяния и снижает эффективность противодействия организованной преступности. Выдвинуто предложение о необходимости нормативного закрепления данных категорий, что позволит устранить правовую неопределенность и обеспечить единообразие правоприменения.

Ключевые слова: лидеры преступной среды, преступная иерархия, организованная преступность, высшее положение, криминальный статус, криминальная субкультура.

Для цитирования: Христюк А.А. Проблемы определения объективных признаков занятия высшего положения в преступной иерархии / А.А. Христюк. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.95-104. — EDN SXIAON // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 1. — С. 95–104.

Original article

Problems of Defining the Objective Features of Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy

A.A. Khristyuk

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, a_x_a@mail.ru

Abstract. On April 1, 2026 it will be seven years since Russian legislators criminalized occupying the highest position in a criminal hierarchy (Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). However, it is still not possible to claim that, over such a considerable period of time, the law enforcers have worked out the

criteria for qualifying and proving this crime. The interpretation of this norm still poses difficulties at all stages of the preliminary investigation as well as in court. Due to the specifics of this crime's legal construction, operative, investigative and court bodies face difficulties in establishing such features of the objective side of the crime of occupying the highest position in a criminal hierarchy as the action itself, the manner of committing it, the time when it was committed and the moment when it ended. The author examines the abovementioned features while taking into account the criminal law and criminological doctrine, as well as the existing court practice regarding this crime. It is concluded that the absence of clear definitions for the concepts "criminal hierarchy" and "the highest position" in criminal legislation makes it difficult to qualify this crime and reduces the effectiveness of counteracting organized crime. The author puts forward a suggestion that a normative consolidation of these categories is needed to eliminate legal ambiguity and ensure the uniformity of law enforcement.

Keywords: criminal leaders, criminal hierarchy, organized crime, highest position, criminal status, criminal subculture.

For citation: Khristyuk A.A. Problems of Defining the Objective Features of Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 1, pp. 95–104. (In Russian). EDN: SXIAON. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.1.95-104.

Современное состояние преступности в России характеризуется высоким уровнем организованных и устойчивых преступных объединений, функционирующих на основе строгой иерархической структуры. Особую опасность представляют лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, так как именно они выполняют руководящие, координирующие и идеологические функции в криминальной среде. Их деятельность направлена не только на управление преступными сообществами, но и на укрепление криминальной субкультуры, распространение ее норм и ценностей в обществе, что представляет серьезную угрозу правопорядку и государственной безопасности.

Если в 2020 году фактов привлечения к ответственности по статье 210.1 УК РФ практически не фиксировалось, то уже в 2021 году зарегистрировано 8 таких случаев, в 2022 году — 20, в 2023 году — 33, а в 2024 году — 23¹. Данная

¹ Судебная статистика РФ // Сайт Агентства правовой информации. URL: <https://stat.api-pressc.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.11.2025).

динамика свидетельствует о нестабильности, но в целом о сохраняющемся высоком уровне активности лидеров преступной среды и усиливающемся внимании государства к противодействию этому явлению.

Несмотря на наличие специальной нормы (ст. 210.1 УК РФ), уголовно-правовая квалификация данного преступления вызывает значительные трудности. В законе отсутствует четкое определение таких понятий, как «преступная иерархия» и «высшее положение в ней», что приводит к неоднозначной судебной практике и различным толкованиям правоприменителями. Это создает риски нарушения принципов справедливости и законности при привлечении лиц к ответственности.

Кроме того, проблема статуса лидеров преступной иерархии выходит за рамки уголовного права — она имеет глубокий криминологический и социокультурный характер. Такие лица оказывают влияние на экономические, политические и общественные процессы, распространяют преступную идею

логию, способствуют формированию теневых связей между криминальной и легальной сферами.

Определение объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных задач современной уголовно-правовой доктрины. Уже на уровне законодательного описания заметна определенная концептуальная неоднозначность. Формулировка «занятие высшего положения в преступной иерархии» на первый взгляд переносит акцент с деяния на личность, что вступает в противоречие с фундаментальным положением ст. 8 УК РФ, согласно которому основанием уголовной ответственности является исключительно совершение общественно опасного деяния. Возникает опасение, что законодатель фактически смещает акцент с традиционной модели поведения на опасное состояние лица — тенденцию, которую неоднократно отмечали В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков, указывая, что «в современных условиях статус («высшее положение») начинает приобретать самостоятельную общественную опасность, становясь организующим признаком состава» [1, с. 465].

Действительно, при попытке «сглаженного» толкования нормы обращает на себя внимание то, что высшее положение в преступной иерархии обычно проявляется в управленческой деятельности, выполнении арбитражных функций, контроле над преступными потоками и поддержании криминальной идеологии. Однако, приходя к выводу о том, что для ответственности достаточно самого наличия статуса, фактически предлагается подменить объективную сторону деянием-потенцией, поскольку,

обладание возможностью оказывать влияние уже образует состав. С этой позицией вряд ли можно согласиться: признание одной лишь потенциальной возможности совершения деяния в качестве объективной стороны означало бы разрушение базовых принципов уголовного права, в том числе требования о наличии конкретного действия и запрета ответственности за опасное состояние личности, что прямо следует из ст. 8 УК РФ.

Следствием подобного расширительного толкования становится и серьезная проблема определения времени совершения деяния. Если статус признается достаточным, то уголовная ответственность может охватывать ситуации, когда лицо получило криминальный статус задолго до вступления в силу ст. 210.1 УК РФ, что ставит вопрос об обратной силе закона и нарушает ст. 54 Конституции РФ². Именно поэтому в доктрине преобладает позиция о необходимости устанавливать не только факт признания статуса, но и конкретные действия, через которые проявляется влияние субъекта.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, что введение ст. 210.1 УК РФ во многом отражает грузинский опыт борьбы с преступной субкультурой. В Грузии уголовная ответственность была установлена непосредственно за пребывание в положении

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03. 2020 № 1-ФКЗ, от 04.11.2022 № 5-ФКЗ, от 04.11.2022 № 6-ФКЗ, от 04.11.2022 года № 7-ФКЗ, от 04.11. 2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 4398.

«вора в законе» (ст. 223.1 УК Грузии³). Несмотря на попытки представителей криминальной среды оспорить ее, Европейский суд по правам человека нарушения Конвенции не установил. Однако прямое заимствование этой модели в российские условия оказалось затруднительным, поскольку российская система уголовного права традиционно строится на деянии, а не на статусе.

Дополнительные сложности возникают при толковании самой категории «высшее положение в преступной иерархии». Эта категория принадлежит преимущественно криминологическому, а не уголовно-правовому аппарату. Одни исследователи включают в данную категорию «воров в законе» [2, с. 14], «положенцев» и «смотрящих». Другие, напротив, трактуют занятие высшего положения как процедуру присвоения статуса на «воровской сходке». Однако и в криминальной среде статус «вора в законе» не является однозначным: его присвоение зависит от признания несколькими «ворами», принадлежности к определенным кланам, наличия татуировок и личного авторитета. В судебной практике нередки ситуации, когда даже криминальное сообщество не приходит к консенсусу относительно статуса конкретного лица⁴. Неясность, обратимость и неформальный характер присвоения статуса исключают возможность считать его самостоятельным криминообразующим признаком.

³ Criminal Code Of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/16426?impose=translateRu&publication=262> (дата обращения: 4.11.2025).

⁴ Приговор Верховного суда Республики Татарстан по Уголовному делу № 2-22/2021 от 25 марта 2022 г. URL: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=1641887&case_uid=926e3ff-eeb5-41ea-8707-215574a9cc8c&delo_id=1540006 (дата обращения: 4.11.2025).

Неоднозначность касается и «положенцев» и «смотрящих». Если первые временно исполняют функции «вора» в определенной территории, то вторые представляют собой скорее должностную фигуру с крайне различающимся уровнем влияния — от «смотрящего за зоной» до «смотрящего за улицей». Очевидно, что механическое отнесение всех подобных лиц к высшему положению в иерархии необоснованно, что подтверждается и региональными различиями криминальной культуры, например слабым влиянием воровского института в Казани 1980–1990-х годов.

В этой связи представляется оправданным вывод о том, что объективная сторона ст. 210.1 УК РФ должна быть связана не с наличием символического статуса, а с конкретными действиями, выражающими реальное руководство преступной средой и влияние на функционирование криминальной структуры. В доктрине предпринимались попытки определить такие действия. В большинстве случаев указывается на руководство преступной организацией, управление «общаком» и использование криминальных связей, пропаганду воровской идеологии [3, с. 133], распределение сфер влияния и разрешение конфликтов [4, с. 80], наличие статусных татуировок как элемента идентификации [5, с. 70].

Однако, как представляется, действия, составляющие объективную сторону ст. 210.1 УК РФ, должны выходить за рамки обычной организаторской деятельности, которая охватывается ст. 210 УК РФ. Законодатель выделил данную норму вынужденно: обычное руководство преступной группой или участие в сходках не исчерпывает содержание «высшего положения». Это означает, что объективная сторона должна содержать особый «добавочный» элемент, связан-

ный с системным криминальным влиянием, распространением норм и традиций преступной среды, идеологическим контролем и арбитражной функцией.

Практика подтверждает необходимость устанавливать именно действия. Так, по делу Н. суд указал не только на его статус «вора в законе», но и на назначение «смотрящих», разрешение конфликтов между группировками, организацию сборов в «общак», защиту интересов осужденных, участие в распределении ресурсов криминального мира⁵. Суд также учел его деятельность по обеспечению «безнаказанности» криминальных групп, разрешению споров, управлению «общаком», контролю за «зоной» и изданию так называемых «прогонов».

Известно, что в исправительных учреждениях существуют нелегальные каналы связи, которые предполагают передачу из рук в руки так называемых «прогонов» или «маляв». «Прогоны» представляют собой своего рода наказания авторитетного человека представителям криминального мира, которые признают за ним первенство — иными словами, это распоряжения по каким-то частным вопросам [6, с. 500].

Стоит отметить, что в некоторых случаях суды ошибочно ограничивались только статусными признаками — татуировками, кличками, признанием себя «вором в законе», что противоречит ст. 8 УК РФ и подменяет деяние пассивным состоянием.

Учитывая приведенные трудности, становится очевидно, что объективная

сторона преступления должна включать комплекс фактически совершенных действий, через которые проявляется организующее и регулирующее влияние лица в преступной среде. К их числу можно отнести: «руководство криминальными структурами, разрешение конфликтов, назначение авторитетных представителей, контроль за распределением финансовых потоков («общака»), пропаганду криминальной идеологии, воздействие на поведение осужденных и иные действия, формирующие и поддерживающие криминальную иерархию» [7, с. 121].

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, предполагает совершение активных действий, свидетельствующих о реальном осуществлении власти в преступной среде. Пассивное обладание статусом, даже подтвержденное татуировками, кличками или мнением представителей преступного сообщества, не может являться достаточным основанием уголовной ответственности. Только конкретные действия, подтверждающие фактическое осуществление функций лидера преступной иерархии, соответствуют требованиям ст. 8 УК РФ и отражают истинную общественную опасность данного преступления. Такой постулат поддерживается большинством исследователей данного вопроса [8; 9].

Анализ способов совершения преступления в составе «занятия высшего положения в преступной иерархии» требует применения расширенного уголовно-правового и криминалистического подхода, поскольку именно способ позволяет выявить динамику действий виновного и механизмы реализации его умысла. Исходя из общих положений уголовного права, способ совершения преступления представляет собой

⁵ Приговор Саратовского областного суда от 30 ноября 2021 г. по делу № 2-15/2021. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18506365&case_uid=ba0e4aad-064f-4902-bc41-520b4bf33188&delo_id=1540006 (дата обращения: 4.11.2025).

систему поведенческих актов, применяемых субъектом для достижения преступного результата, и выступает факультативным, но нередко ключевым признаком объективной стороны. Способ является тем элементом преступной деятельности, который наиболее полно отражает содержание преступного поведения и обеспечивает возможность установления причинно-следственных связей между действиями субъекта, его намерением и наступающим последствием [10, с. 198].

В контексте ст. 210.1 УК РФ специфика способа заключается в том, что занятие высшего положения в преступной иерархии не выражается в одномоментном акте, а представляет собой поэтапный системный процесс, основанный на криминальных традициях и закреплённый в устойчивых ритуалах преступной среды. Как показывают криминологические источники, «присвоение лицу статуса лидера («вора в законе», «положенца», «смотрящего») облечено в строго регламентированную форму, включающую процедуру рассмотрения кандидатуры, проведение воровской сходки и последующее подтверждение статуса реальной преступной деятельностью» [11, с. 131]. Иными словами, способ совершения рассматриваемого преступления охватывает не только непосредственные действия субъекта, но и действия иных участников криминальной среды, организующих и поддерживающих механизм наделения статусом. Соответственно, способ здесь имеет выраженную социально-организационную природу и формируется в рамках устоявшейся криминальной субкультуры.

Учитывая сложность объекта исследования, представляется корректным применение системно-структурного подхода, согласно которому способ со-

вершения преступления рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, подчинённых определённой последовательности и закономерностям функционирования. Структура способа занятия высшего положения в преступной иерархии включает три взаимосвязанных этапа, каждый из которых обладает собственной совокупностью действий, участников и следовой картины.

Подготовительный этап характеризуется действиями по подбору и предварительному обсуждению кандидатуры будущего лидера. На этом этапе возникают идеальные следы в сознании членов преступного сообщества, информационные следы в коммуникационных сетях и материальные следы организационных мероприятий. Содержательно этот этап отражает формирование преступного умысла и согласование мотивированного преступного поведения субъекта. Поскольку решение о «коронации» принимается лидерами преступного мира, способ совершаемого деяния находится в непосредственной зависимости от криминального обычая и сложившихся отношений в иерархии.

Исполнительский этап представляет собой непосредственно организацию и проведение воровской сходки — ключевого ритуала, в рамках которого происходит признание лица статусным лидером. На этом этапе способ включает комплекс действий по созыву участников, обеспечению конфиденциальности, обсуждению кандидатуры и фиксации решения. Здесь формируются как материальные следы (место проведения, предметы, документы, записи камер наблюдения), так и идеальные следы в сознании свидетелей, а также информационные следы в цифровых и иных каналах связи. Данный этап демонстрирует организационно-техни-

ческую сторону способа преступления, отражая связь между криминальными обычаями и реальной практикой преступного поведения.

Завершающий этап заключается в подтверждении лицом приобретенного статуса через совершение действий, свидетельствующих о его фактическом влиянии: участие в совершении преступлений, разрешение конфликтов, управление «общаком», назначение «смотрящих», поддержание криминальной идеологии и распространение информации о своем статусе среди неопределенного круга лиц. На этом этапе способ приобретает завершённую форму, связывая субъективную сторону преступления (умысел занять и удерживать лидерское положение) с объективной — совершаемыми действиями, обеспечивающими авторитет и реальное влияние в преступной среде.

Способ совершения рассматриваемого преступления во многом детерминирован и объективными, и субъективными факторами: «объектом преступления (общественная безопасность), особенностями криминальной среды (иерархичность, традиции, ритуализация), а также целями, мотивами и психологическими особенностями субъекта» [12, с. 86]. Это обуславливает устойчивость структуры способа и позволяет использовать криминалистические сведения для установления закономерностей его следовой картины. Так, на каждом этапе преступления формируются следы различной природы: идеальные (психологические), материальные (атрибуты ритуала, записи), информационные (данные коммуникаций). Их анализ позволяет раскрывать, расследовать и предупреждать преступления рассматриваемого вида.

При этом важно учитывать, что способ совершения преступления при заня-

тии высшего положения в преступной иерархии выполняет не только криминалистическую, но и уголовно-правовую функцию, поскольку он непосредственно отражает характер действий субъекта, позволяющих отличить фактическое осуществление криминального влияния от простого обладания статусом. Именно поэтому включение в способ действий по созданию сложной процедуры признания, проведению сходки и последующему подтверждению статуса позволяет разграничить уголовно наказуемое деяние и внешние признаки криминальной атрибутики, что отвечает принципам ст. 8 УК РФ.

Так, в контексте приговора Саратовского областного суда от 21 марта 2025 года, прослеживается устойчивая правоприменительная тенденция: объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, устанавливаются не через формальное декларирование статуса, а через фактическое содержание деятельности, свидетельствующее о реальном занятии высшего положения в преступной иерархии⁶. Суд исходит из того, что такой статус выражается в совокупности объективно наблюдаемых действий, образующих систему управленческих, организационно-распорядительных, дисциплинарных и идеологически-ординационных функций. Именно поэтому ключевым доказательственным значением обладают не утверждения подсудимого, а подтвержденные свидетельскими показаниями, оперативными материалами и экспертизами действия по назначению «смотрящих», контролю «общака», установлению запре-

⁶ Приговор Саратовского областного суда № 2-4/2025 от 20 марта 2025 г. по делу № 2-4/2025 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BD7CyqDGqUNX/> (дата обращения: 4.11.2025).

тов, разрешению конфликтов, участием в «сходках» и поддержанию каналов связи, позволяющих осуществлять руководство криминальной средой.

Кроме того, суд особое внимание уделяет материальным и вербальным индикаторам объективной стороны деяния: татуировкам, подтверждающим претензию на высшее положение, фактам скрытого использования средств связи, аудиозаписям, где подсудимый отдает распоряжения и использует лексику властного характера. Эти элементы следовой картины, а также признание статуса другими заключенными и исполнение ими указаний рассматриваются как достоверные проявления криминального лидерства.

Таким образом, объективные признаки состава преступления по

ст. 210.1 УК РФ сводятся к тому, что посягательство направлено на общественную безопасность, то есть на защищенность общества от устойчивого криминального влияния. Объективная сторона выражается не в простом наличии статуса, а в конкретных действиях, которые подтверждают реальное лидерство в преступной иерархии. К таким действиям относятся руководство криминальной средой, назначение «смотрящих», контроль «общака», установление запретов, участие в «сходках» и распространение криминальной идеологии. Судебная практика показывает, что именно фактические действия, а не символические признаки, позволяют установить, что лицо действительно занимает высшее положение в преступной иерархии.

Список использованной литературы

1. Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков. — DOI 10.17150/25004255.2019.13(3).465-476. — EDN OQQZEE // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 465–476.
2. Белоцерковский С.Д. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения / С.Д. Белоцерковский. — EDN LGTWDE // Уголовное право. — 2010. — № 2. — С. 9–14.
3. Безлепкина О.В. Проблемные вопросы практического применения ст. 210.1 УК РФ / О.В. Безлепкина, Р.Б. Границкий. — EDN PRAMZP // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 7 (187). — С. 130–133.
4. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии / А.В. Сенатов. — DOI 10.53993/2078-3914/2020/1(42)/75-80. — EDN ZTXPCW // Вестник Кузбасского института. — 2020. — № 1 (42). — С. 75–80.
5. Косьяненко Е.В. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения / Е.В. Косьяненко, М.С. Кармановский. — EDN QPMVDA // Научный портал МВД России. — 2022. — № 2 (58). — С. 66–70.
6. Агафонов А.С. Некоторые особенности раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ / А.С. Агафонов. — DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(2).496-504. — EDN KTOQWI // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 496–504.
7. Рыбушкин Н.Н. Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии / Н.И. Рыбушкин, О.Н. Дунин. — EDN EEMBIP // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 2. — С. 119–123.
8. Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений / Т.В. Якушева. — DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(5).723-734. — EDN VEJRSW // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 5. — С. 723–734.
9. Намнясева В.В. Особенности уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии / В.В. Намнясева, С.С. Жукова. — DOI 10.17150/2500-

4255.2022.16(2).248-256. — EDN NOSCZD // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 248–256.

10. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии / С.В. Кондратюк. — DOI 10.51965/2076-7919_2021_1_2_193. — EDN WCZUEW // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2021. — Т. 1, № 2 (98). — С. 193–199.

11. Чельшева О.В. К вопросу о понятии и способах совершения преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии) / О.В. Чельшева, С.С. Бородулин // КриминалистЪ. — 2023. — № 2 (43). — С. 124–131.

12. Бабушкин А.А. Организационно-правовые основы оперативно-разыскного контроля за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии / А.А. Бабушкин, Е.Б. Белянский. — DOI 10.25724/VAMVD.MNOP. — EDN TFIIRGJ // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 1 (52). — С. 80–86.

References

1. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime Boss and the Grounds for Liability: Post-modernism in Criminal Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. (In Russian). EDN: OQQZEE. DOI: 10.17150/25004255.2019.13(3).465-476.

2. Belotserkovskiy S.D. The New Federal Law on Strengthening the Fight Against Criminal Networks: A Comment and Problems of Application. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 2, pp. 9–14. (In Russian). EDN: LGTWDE.

3. Bezlepina O.V., Granitsky R.B. Problematic Issues of Practical Application of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2020, no. 7, pp. 130–133. (In Russian). EDN: PRAMZP.

4. Senatov A.V. Signs Characterizing the Person Occupying the Highest Position in Criminal Hierarchy. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 1, pp. 75–80. (In Russian). EDN: ZTXPCW. DOI: 10.53993/2078-3914/2020/1(42)/75-80.

5. Kosyanenko E.V., Karmanovsky M.S. Critical Analysis of the Provisions of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Practices of Its Application. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russian Ministry of the Interior*, 2022, no. 2, pp. 66–70. (In Russian). EDN: QPMVDA.

6. Agafonov A.S. Some Features of the Disclosure and Investigation of Crimes under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Baikal Research Journal*, 2024, vol. 15, no. 2, pp. 496–504. (In Russian). EDN: KTOQWI. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(2).496-504.

7. Rybushkin N.N., Dunin O.N. The Actus Reus of Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2024, no. 2, pp. 119–123. (In Russian). EDN: EEMBIP.

8. Yakusheva T.V. Counteracting Criminal Communities (Criminal Organizations) and Leaders of the Criminal World: Destructive Trends, a Search for New Legislative Solutions. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 723–734. (In Russian). EDN: VEJRSW. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).723-734.

9. Namnyaseva V.V., Zhukova S.S. Specific Features of Criminal Liability for Being a Leader in the Criminal Hierarchy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 248–256. (In Russian). EDN: NOSCZD. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).248-256.

10. Kondratyuk S.V. The Method of Committing a Crime in the Structure of Occupation of the Highest Position in the Criminal Hierarchy. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2021, vol. 1, no. 2, pp. 193–199. (In Russian). EDN: WCZUEW. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_193.

11. Chelysheva O.V., Borodulin S.S. Revisiting the Concept and Modus Operandi of the Crime Provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (Holding the Top Position in the Criminal Hierarchy). *Kriminalist = Criminalist*, 2023, no. 2, pp. 124–131. (In Russian).

12. Babushkin A. A., Belyansky E. B. Organizational and Legal Basis of Operational-Search Control Over Persons Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2020, no. 1, pp. 80–86. (In Russian). EDN: TFIRGJ. DOI: 10.25724/VAMVD.MNOP.

Информация об авторе

Христюк Анна Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, <https://orcid.org/0000-0001-5161-5046>, SPIN-код: 3800-2062.

Author Information

Khristyuk, Anna A. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5161-5046>, SPIN-Code: 3800-206.

Поступила в редакцию / Received 12.11.25

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.11.25

Принята к публикации / Accepted 27.03.26

Дата онлайн-размещения / Available online 27.04.26